

УДК 327[(470+481):1(1-922)](045)

Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств

© **Повал** Лев Матвеевич, кандидат юридических наук, доцент Севмашвуза (филиал СПбГМУ). Контактный телефон: +7 902 199 07 04. E-mail: levpoval@mail.ru.

В статье раскрывается сложный, длительный по времени процесс урегулирования отношений между Россией и Норвегией по разграничению арктических пространств. Особое внимание уделено правовому анализу положений международного Парижского договора по Шпицбергену и соглашения, подписанного между Россией и Норвегией относительно делимитации их морских пространств в 2010 году.

Ключевые слова: Россия, Норвегия, Шпицберген, Парижский договор, соглашения, морские пространства, континентальный шельф.

Russian-Norwegian agreement about the division of the Arctic space

© Lev M. **Poval**, Ph. D. of Law, associate of Sevmashvuz (SPBGMU). Contact phone: +7 902 199 07 04. E-mail: levpoval@mail.ru.

Abstract

The article reveals a complex, time-consuming process of normalization of relations between Russia and Norway on the delimitation of the Arctic spaces. Particular attention is paid to the legal analysis of the provisions of the International Treaty of Paris of Svalbard and the agreement signed between Russia and Norway concerning the delimitation of maritime areas in 2010.

Keywords: Russia, Norway, Spizbergen, Parish Agreement, deal, sea space, continental shelf.

Норвегия – единственная страна Арктического региона, имеющая с Россией общую сухопутную границу. Это не только наш самый близкий сосед, известные нам исторические связи России и Норвегии насчитывают более тысячи лет, это давний стабильный экономический партнер, с которым Россия поддерживает теснейшее научное, исследовательское, международное сотрудничество в Арктике. Но вместе с тем это и тот субъект международного права, с которым труднее всего договориться о справедливом, с российской точки зрения, использовании арктических богатств. Таковы противоположные экономические государственные интересы у обеих стран-конкурентов. Российско-норвежское соглашение 2010 года в полной мере не сняло эти противоречия, хотя политическим руководством и той и другой стороны заявляется обратное.

Первые упоминания о договорном оформлении двусторонних отношений относятся к XIII веку. В 1251 году между Русью (Новгородским государством) и Норвегией заключается первый договор об урегулировании отношений в приграничных областях, а в 1326-м – договор, закрепивший уже реально сложившуюся сухопутную границу двух государств. Никогда не нарушавшаяся войнами, она стала первой договорно закрепленной ныне существующей

границей в Европе и является старейшей из современных государственных границ нашей страны. Общая протяженность российско-норвежской границы – 219 км (из них 23 км по морю).

Россия первой официально признала в 1905 году независимость Норвегии. В октябре 1944 года Красная Армия, осуществив Петсамо-Киркенесскую операцию, освободила от немецких войск восточную часть норвежской губернии Финнмарк и тем самым положила начало освобождению Норвегии от немецкой оккупации. Норвегия в числе первых признала государственный суверенитет России 16 декабря 1991 года.

Болевой точкой российско-норвежских отношений со второй половины XX века являлись проблемы правового статуса архипелага Шпицберген и примыкающих к нему водных пространств. Чтобы понять истоки этих проблем, необходимо вновь обратиться к истории.

По истечении в 1590 срока заключенного в 1583 году перемирия, русское правительство, считая, что государство достаточно окрепло после потрясений Ливонской войны, возобновило борьбу за Нарву и за возвращение старых русских земель на Балтике, захваченных Швецией в 1583 году. Успешные для России военные действия были приостановлены заключенным в 1593 году на два года перемирием, а последовавший за ним мирный договор 1595 года – Тявзинский мирный договор – закрепил за Швецией право сбора дани с жителей Лапландии от Остроботнии до Варангера, с уступкой последней Финнмарка. По договору граница проходила по Нейден-фьорду [1, с. 166].

В результате Кальмарской войны 1611–1613 годов Дания заставила Швецию отказаться от приобретенных у Московского государства прав на Финнмарк. В период Великой смуты Московское государство не имело возможности весомерно ставить вопрос о восстановлении своих прав на утраченную область, а затем вообще перестала ставить его перед датчанами. В 1814 году Норвегия стала частью Шведско-норвежской унии.

На протяжении XV–XVIII веков пограничное пространство между Норвегией и Россией (окончание западного Мурмана и восточного Финнмарка) являлось не разграниченным участком, получившим, согласно датским юридическим документам, название «общих округов» (fellesdistrikter). Данная территория включала три округа вдоль рек Нейден (Нявдем), Пасви́г (Пазрек) и Пейсен (Печенга) с населенными пунктами трех групп восточных саамов (скольтов).

Отсутствие постоянно охраняемой и контролируемой границы в приарктическом пространстве России – Норвегии указывает на то, что район «трех общих округов» на протяжении более чем пяти столетий являлся местом открытого соприкосновения юрисдикции обоих государств и зоной совместного хозяйствования. Лишь границы саамских погостов (сиид) выступали символическим барьером для распространения политической власти соседствующих субъектов. Таким образом, район «трех общих округов» был неурегулированным политическим вопросом между Российской Империей и Норвегией – Данией.

Проблема разграничения приграничных пространств в начале XIX века между Россией и Норвегией, к этому времени находившейся в унии со Швецией, детально исследована в работе К. Зайкова «Пространственные границы Российской Империи на Мурманском побережье в начале XIX века». Автор обоснованно видел причину неэффективного политического

контроля со стороны России над этими северными пространствами в их крайней удаленности как от столицы империи, так и от регионального административного центра. «Крайняя удаленность округов от имперской столицы – города Санкт-Петербурга и регионального административного центра – города Архангельска усложняла организацию рационального контроля и управления районами, находившимися в юрисдикции Кольского уезда. Единственная торговая артерия, служившая каналом связи между административным центром и периферией (городом Колой), проходила через Белое море, соединявшее мурманский берег с Архангельским и Онежским портами. Однако морской путь в силу климатических особенностей был недоступным с ноября по май, что существенно затрудняло организацию постоянной связи окраины империи с административным центром», а сезонность присутствия налоговых чиновников России и Норвегии, миграция саамов и как следствие этого – периодическое изменение зоны сбора налогов влияли на «непостоянство политического фронта, его подвижность и спорадичность» [2].

В 1825 году была проведена демаркация границы в «общем районе», площадь которого, по норвежским картам, составляла 4,4 тыс. кв. км, который, в силу различных причин, практически весь отошел к Шведско-норвежской унии (личная уния Швеции – Норвегии существовала с 1814 по 1905 год). Разграничение было подтверждено Конвенцией «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах», подписанной в 1826 году.

Существует несколько версий столь неблагоприятного для России размежевания пространств «общего района». На наш взгляд, одной из основных причин «уступчивости» России в вопросе невыгодного для России разграничения северных пространств была та, что Россия достаточно стремительно втягивалась в большую войну на Кавказе и Закавказье, где ей противостояли такие опасные противники, как Османская империя и Персия. Разрешение территориального спора с далеко недружественным северным соседом в тот момент казалось лучшим выходом из сложившейся ситуации. Только этим можно объяснить поспешность разграничения и отстранение от этого процесса администрации Архангельской губернии. Более поздние попытки российской дипломатии вернуться вновь к переговорному процессу по вопросу изменения линии разграничения были решительно отвергнуты шведским правительством.

Самой сложной проблемой в российско-норвежских отношениях XX века и по настоящее время является разный подход этих стран к пониманию правового статуса Шпицбергена и окружающих его вод. Противоречия полностью не устранены, несмотря на ратификацию той и другой стороной Соглашения от 15 сентября 2010 года.

Территория архипелага, предположительно, впервые была обнаружена викингами или поморами в XII веке. Известно, что в норвежских летописях с конца XII века упоминается некий Свальбард, но у исследователей этого периода истории нет уверенности, что имелся в виду именно сегодняшний Свальбард. Это могли быть и Гренландия, и Ян-Майен.

«Шпицберген», «Грумант», «Свальбард», «Новая Земля Короля Якова» – каких только названий не удостоивалась эта группа островов за полярным кругом, зажата в ледяные воды Баренцева, Гренландского и Норвежского морей между 76° и 86° северной широты.

Шпицбергеном архипелаг был назван голландцами за островерхие горные вершины. Имя Грумант он получил от русских поморов, полагавших, что это часть загадочной Гренландии. Свальбардом – «Прохладным краем» – называли его норвежцы.

В наши дни весь мир пользуется названием «Шпицберген», за исключением норвежцев, которые, не желая уступать русским приоритета в открытии архипелага, продолжают называть его Свальбардом, в то время как Шпицбергеном на их картах значится самый крупный, наиболее освоенный и изученный остров архипелага.

С научной точки зрения острова были открыты и документированы голландцем Виллемом Баренцем в 1596 году, который дал главному острову название «Шпицберген», что в переводе и означает «острые горы». Баренц обнаружил на острове и в его сопредельных водах большое число моржей и китов, что дало старт многочисленным промысловым экспедициям. Примерно в это же время архипелаг появился на русских картах под названием «Святые русские острова».

В XVII веке Датско-норвежское королевство пыталось добиться международного признания своего суверенитета над Шпицбергеном, однако этому решительно воспрепятствовала Великобритания. В 1765–1766 годах Михаил Ломоносов организовал две морские научные экспедиции к Шпицбергену под началом В. Я. Чичагова. Однако суровый климат не позволял организацию на архипелаге постоянных поселений и вплоть до начала XX века Шпицберген официального российского присутствия не имел. Тем не менее поморы поддерживали сезонное охотничье присутствие на архипелаге, а наиболее отчаянные из них регулярно оставались на зимовку¹.

Можно ли было считать эффективной оккупацией территории Шпицбергена периодическое появление китобойных судов различных стран в его водах или сезонное охотничье присутствие и даже зимовки поморов? А ведь эффективная оккупация ничейной территории (*terra nullius*) была, согласно нормам международного права, главным условием международного признания суверенитета любого государства над такого рода территорией. Еще Г. Гроций относительно вопросов приобретения государственной территории писал, что приобретение совершается или путем завладения (*occupazione derelicti*), или посредством договора (*ractionibus*), или же через завоевание (*victoriae jure*), а обосновывая свободу пользования морем, писал, что оно не может быть собственностью какого-либо государства [3, с. 219].

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Отсутствие эффективной оккупации архипелага какими-либо странами в силу международного права не могло стать реальной основой выдвижения подобных требований. Хотя у России более, чем у других стран, была возможность обосновать свое первенство в освоении архипелага, так как с XVII по середину XIX века зимовки архангельских поморов на архипелаге были обычным делом, и, например, отец Михаила Ломоносова, Василий Дорофеевич, пять раз ходил на Грумант. Согласно норвежскому ученому Б. М. Кейльхау, с которым солидарна и российская наука, первыми здесь появились русские поморы. Уже в XIII веке наши предки наведывались на Шпицберген-Грумант. Следы архангельских поморов на Шпицбергене многочисленны и материальны. Подтверждением этого служат данные археологических раскопок, которые про-

¹ Шпицберген. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

водила на протяжении шести лет на архипелаге археологическая экспедиция, руководителем которой был известный археолог В. Ф. Старков. Экспедиция открыла следы более ста поселений поморов, разбросанных по всему ареалу Шпицбергена, нашла впечатляющее количество предметов промысла и быта русских землепроходцев. Задолго до норвежцев и Баренца поморы вели здесь промысел белых медведей, моржей, тюленей, китов, оленей и песцов.

В роду поморов Старостиных сохранилось предание, что их предки, выходцы из Новгорода, бывали на Груманте до основания Соловецкого монастыря, то есть до 1435 года. У входа в Исфьорд находится мыс, носящий имя Ивана Старостина, русского промысловика-охотника, который провел на Груманте 39 зимовок и умер на архипелаге. До сих пор этот рекорд не был побит никем в мире. Последний потомок этого «патриарха Шпицбергена» в 1891 году направил министру государственных имуществ прошение о предоставлении ему денежной субсидии и разрешении поселиться на архипелаге, однако царское правительство отказало ему в помощи [4, с. 107].

Число постоянных участников русских зимовок на Шпицбергене достигало 200 человек, что и позволяло говорить о возможности установления суверенитета России над архипелагом. Однако Россия таким преимуществом не воспользовалась, а после разорения поморских селений англо-французской эскадрой во время Крымской войны в 1855 году и прекращения по этой причине зимовок поморов на Шпицбергене, и такая гипотетическая возможность исчезла.

Первая попытка определить правовой статус Шпицбергена была предпринята в 1872 году. В силу близости Шпицбергена к России и Норвегии и того факта, что он осваивался преимущественно подданными этих государств, вопрос о международно-правовом статусе Шпицбергена решался именно между Россией и Швецией – Норвегией.

В 1871–1872 годах объединенное правительство Швеции и Норвегии обменялось нотами с правительством России, в которых признавалось равенство всех стран в эксплуатации природных богатств Шпицбергена. Признавалась целесообразность осуществления на архипелаге научно-исследовательских работ и отвергалась идея исключительного владения архипелагом каким-нибудь одним государством. Впервые в договорном порядке они определили международно-правовой статус Шпицбергена как *terra nullius*. Фактически же вплоть до принятия Договора о Шпицбергене в 1920 году указанная территория находилась в общем пользовании государств. Исторически это выразилось в международной практике мирного экономического и научного использования Шпицбергена, переросшей в обычай, договорно закреплённый в 1871–1872 годах. Данный договор получил название «Соглашение 1872 года о Шпицбергене» [5, с. 133].

На рубеже XIX и XX веков в Шведской и Российской академиях наук были созданы специальные комиссии, поставившие своей задачей исследование архипелага, и до самого начала Первой мировой войны русские, норвежцы и шведы вписывали свои имена в яркие страницы освоения Шпицбергена и Севера: В. Русанов, А. Норденшельд, Р. Амундсен, С. О. Макаров, Ф. Нансен, Ф. А. Бредихин и многие другие.

Норвегия возобновила попытки добиться установления суверенитета над Шпицбергеном после обретения независимости (1905 год). Россия первой признала ее независимость, но опять-таки не поддержала планы по Шпицбергену.

Но накануне Первой мировой войны возросло стратегическое значение архипелага, и русское правительство решило конкретизировать российско-шведско-норвежское соглашение 1872 года. Теперь уже три правительства включились в переговорный процесс. Принципиальные положения соглашения 1872 года были положены в основу проекта шпицбергенской конвенции, который был разработан на международных конференциях, проходивших в Христиании (Осло). Одновременно России надо было продемонстрировать мировому сообществу свою активную деятельность на архипелаге, но так как государственное присутствие весьма затратное дело, да и требует, безусловно, демонстрации и его военной мощи, которой в начале XX века у России просто не было, то оставался только один путь – активно поддерживать частные компании и исследовательскую деятельность на архипелаге.

В 2012 году на Шпицберген была организована научно-промысловая экспедиция В. А. Русанова на небольшом судне «Геркулес». В результате работ были обследованы около 2 000 км побережья архипелага, открыты промышленные месторождения каменного угля, на них поставлены заявочные столбы, закрепившие за Россией право разработки этих объектов.

А уже с 1913 года в России началось активное создание компаний по добыче полярного угля. Выдержали конкуренцию две: «Груммант» и «Русское шпицбергенское акционерное общество». В обоих случаях компании получали правительственные субсидии, отсрочки на начало промышленной добычи. Чтобы поддержать угледобытчиков, правительство постановило «уголь, добываемый на острове Шпицберген..., признать углем российского происхождения» [6, Д. 150. Л. 38]. Это освобождало компании от уплаты ввозных пошлин.

Такого рода активность русских властей объяснялась просто: они наконец-то оценили геополитическое значение архипелага, о чем прямо заявлялось в Совете министров в 1910 году, когда вырабатывалась позиция русской делегации на международной конференции по вопросу о статусе архипелага: «По заключению Совещания, значение Шпицбергенских островов для России прежде всего стратегическое» [6, Д. 150. Л. 31]. И лишь на второе место правительство ставило хозяйственные интересы: «точно так же и в промышленном отношении Шпицберген, изобилующий рыбными и звериными промыслами, может представлять серьезный интерес» [6, Д. 150. Л. 31]. Важно было любой ценой закрепить российское присутствие здесь. И не просто присутствие, а руководящую роль в решении всех вопросов на архипелаге. В том же 1910 году Совет министров поставил перед дипломатами задачу добиться следующего: «1) Шпицбергенский архипелаг и остров Междвежий признаются никому не принадлежащею территорией, одинаково открытой для промышленной эксплуатации всех народов; 2) весь архипелаг объявляется нейтрализованным на вечные времена; 3) в основу международных правил, касающихся учреждаемого на архипелаге правопорядка, должно быть положено условие непрямого участия делегата Русского Правительства на равных коллегияльных началах с делегатами норвежским и шведским во всех органах, которые будут вестись на Шпицбергене судебные и административные дела» [6, Д. 150. Л. 33].

В 1910–1914 годах в Христиании прошли три конференции, посвященные разработке конвенции о Шпицбергене и имевшие целью придать архипелагу статус «территории общего пользования, изъятой из сферы распространения государственного суверенитета», а также регламентированный международно-правовой режим. Россия разработала и представила на первой конференции в 1910 году проект конвенции о Шпицбергене, в котором подчеркивалось, что Россия и Норвегия обладают преимущественными правами перед всеми другими государствами в определении международно-правового положения Шпицбергена «...в силу близости их территории и в силу их участия в открытии и научном использовании этих районов и исходя из их экономических интересов».

В статье 1 проекта этой конвенции речь шла об островах, расположенных между $10^{\circ}/35^{\circ}$ восточной долготы и между $74^{\circ}/81^{\circ}$ северной широты. Россией предлагалось распространить действие природоохранных мер на сушу, территориальные воды и «открытое море вокруг Шпицбергена». То есть установить местную юрисдикцию за пределами территории архипелага. Но данное предложение не нашло поддержки у других участников переговоров и в проект конвенции включено не было. Однако все участники согласились с тем, что Шпицберген остается изъятым из сферы государственного суверенитета и остается terra nullius. При этом был внесен ряд поправок в российско-норвежско-шведский проект соглашения, направленных на усиление «интернационализации» режима архипелага. Последняя из этих конференций закрылась 30 июля 1914 года и должна была возобновить работу 1 февраля 1915 года. Но этому помешала мировая война.

Статус «ничейной земли» Шпицберген утратил в ходе мирной Парижской конференции при заключении Договора о Шпицбергене 9 февраля 1920 года. Эксперт по международно-правовым вопросам Арктики А. М. Орешенков совершенно справедливо указывает: «Незначительное по времени постоянное проживание норвежцев на этом архипелаге, выражавшееся, в частности, в том, что большая часть норвежских зимовщиков добывала уголь на земельном участке, принадлежавшем гражданину США Д. Лонгиеру, не подпадало под определение эффективной оккупации и не позволяло требовать на этом основании признания норвежского суверенитета над архипелагом. В этой связи основой требований Норвегии о территориальном приобретении Шпицбергена на Версальской мирной конференции было возмещение потерь, понесенных норвежским торговым флотом в годы Первой мировой войны» [7].

В международном праве отсутствуют положения о территориальных приобретениях в качестве компенсации за потери подобного рода и несмотря на возникшие в этой связи возражения ряда стран-участниц будущего договора о Шпицбергене, Норвегии удалось приобрести этот архипелаг на основании международного договора. «Такое прямое признание по поводу приобретения государством новых территорий через коллективный акт других государств, – отмечал, например, А. Оппенгейм, – также часто испрашивалось и предоставлялось, когда действительность правооснования, на которое претендовало государство, являлась сомнительной или спорной» [8, с. 149]. Но это приобретение было обусловлено такими оговорками ограничения государственного суверенитета, что в иных условиях вызвало бы решительный протест любого уважающего себя государства, но Норвегии важно было в тот

момент закрепиться на данной территории (Российская империя – главный противник суверенитета Норвегии над архипелагом – лежала в развалинах).

Первоначально государствами-участниками договора о Шпицбергене были: США, Великобритания, Дания, Франция, Италия, Япония, Норвегия, Нидерланды, Швеция (сейчас их около 50). Советская Россия не была приглашена на эту конференцию, вероятно, из-за выхода из войны с Германией (до общего перемирия) после Октябрьского переворота и продолжающейся гражданской войны на ее территории. Такое решение не противоречило нормам международного права. Однако понимая, что выполнение положений такого рода международного договора совершенно невозможно без признания его любыми российскими властями, то статьей 10 договора в отношении россиян была сделана специальная оговорка: «В ожидании того, что признание высокими договаривающимися Сторонами русского правительства позволит России присоединиться к настоящему договору, русские граждане и общества будут пользоваться теми же правами, что и граждане высоких договаривающихся сторон» [9].

Рассмотрим наиболее важные статьи Парижского договора, необходимые для понимания последующего конфликта Норвегии с другими странами, в первую очередь с СССР (Россией) в понимании пространственной сферы договора.

В статье 1 договора признавался полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген, «охватывающим с Медвежьим Островом или Беренд-Эйланд, все острова, расположенные между 10 градусом и 35 градусом восточной долготы от Гринвича и между 74 градусом и 81 градусом северной широты, в частности Западный Шпицберген, Северо-Восточную Землю, остров Баренца, остров Эдж, острова Уич, остров Надежды или Хопен-Эйланд и землю Принца Карла, вместе со всеми островами, островками и скалами, относящимися к ним». Итак, статьей 1 договора объявлялся полный и абсолютный суверенитет Норвегии над сухопутной территорией архипелага.

Однако последующие статьи существенно ограничивали данный суверенитет (ст. 2, 3, 7, 8). Так, статьей 2 устанавливалось положение о том, что суда и граждане всех договаривающихся стран будут допущены на одинаковых основаниях к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту в местностях, указанных в статье 1, и в их территориальных водах. Причем Норвегия будет иметь право сохранять в силе, принимать или провозглашать меры, могущие обеспечить сохранение и, если это нужно, восстановление фауны и флоры в указанных местностях и их территориальных водах, но эти меры всегда должны будут на одинаковых основаниях применяться к гражданам всех сторон, без каких-либо исключений, привилегий и льгот, прямых или косвенных в пользу какой-либо одной из них.

Особое значение для определения правового статуса Шпицбергена имеет пункт 1 статьи 3 договора. Приведем его полностью: «Граждане всех Высоких Договаривающихся Сторон будут иметь одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи в воды, фиорды и порты местностей, указанных в статье 1, и право остановки в них; они могут заниматься в них без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими судоходными, промышленными, горными или торговыми операциями на условиях полного равенства. Они будут допущены на тех же условиях равенства к занятию всяким

судоходным, промышленным, горным и коммерческим делом к его эксплуатации, как на суше, так и в территориальных водах, причем не может быть создана никакая монополия в отношении какого бы то ни было предприятия». Хотя в этих статьях договора речь уже идет о принадлежности Норвегии водных пространств архипелага (территориальные воды, воды и фиорды), но тут же закрепляется существенное ограничение суверенитета Норвегии, выразившееся в гарантировании одинакового свободного доступа для любых целей гражданам каждой страны-участницы договора, и, одновременно, устанавливалось право стран-участниц заниматься промышленным, горным и коммерческим делом как на суше, так и в водах, фьордах и территориальных водах архипелага в соответствии с нормами местного законодательства. Таким образом, пространственная сфера договора распространялась не только на сушу, но и водные пространства архипелага, правда, в понятиях, характерных для международного права первой трети XX века, но с существенными ограничениями суверенитета Норвегии.

В статье 7 договора Норвегия брала на себя обязательство в местностях, указанных в статье 1, предоставить всем гражданам стран-участниц договора равные права в отношении способов приобретения права собственности, пользования им и его осуществления, включая право заниматься горным делом. Это должен быть режим, основанный на полном равенстве.

В статье 8 Норвегия взяла на себя обязательство ввести в местностях, указанных в статье 1, Горный устав, который, в особенности с точки зрения налогов, пошлин или повинностей всякого рода, общих или особых условий труда, должен исключать всякого рода привилегии, монополии или льготы как в пользу государства, так и в пользу граждан стран-участниц договора, включая Норвегию. Взимаемые налоги, пошлины и сборы должны быть употреблены исключительно на нужды указанных местностей и могут устанавливаться только в той мере, в которой это оправдывается их назначением.

Наконец, в статье 9 договора Норвегия взяла на себя обязательство не создавать и не допускать создания какой-либо морской базы в местностях, указанных в статье 1, и не строить никаких укреплений в указанных местностях, которые никогда не должны быть использованы в военных целях.

Таким образом, главная цель закрепления в договоре условий распространения норвежского суверенитета на Шпицбергене – создать «режим, способный обеспечить их (Шпицбергена и острова Медвежий) развитие и мирное использование» (Преамбула) на началах равенства всех государств-участников. Такое решение фактически подтверждало исторически сложившийся обычай общего пользования территорией архипелага в экономических и научных целях.

Тем самым в юридическом плане статус Шпицбергена может быть отнесен к «особым», он установлен не государством-собственником, а закреплен международно-правовыми средствами. Таким образом, договор 1920 года – это единственный международно-правовой акт, устанавливающий государственную территорию общего пользования на суше. В этом уникальном международно-правовом статусе отразились особенности исторического развития архипелага. Поскольку договор не содержит положения о сроках его действия, он является бессрочным. Данный акт – нормативный документ международного права и не может рас-

смагиваться как часть внутреннего норвежского законодательства. Из этого вытекает, что Норвегия не вправе изменить договор без согласия всех его участников, включая СССР (Россию). Попытка изменить в одностороннем порядке статус архипелага подрывала бы объект договора и теоретически делала его ничтожным.

Норвегия сама принимала активное участие в разработке положений договора, добровольно согласилась с этими положениями, определяющими пространственную сферу его действия, также как и с другими его условиями, несмотря на то, что многие из них не соответствовали и в настоящее время не соответствуют нормам международного обычного права. Но это не означает, что она свободна от взятых на себя обязательств по договору. В международном праве основополагающим принципом является принцип *pacta sunt servanda* – «договоры должны соблюдаться».

Сразу после подписания сторонами договора о статусе Шпицбергена (без участия РСФСР), правительством Советской России 12 февраля 1920 года была направлена нота правительству Норвегии, где отмечалось, что «ни одно международное соглашение, в котором оно не участвовало, не обладает для него обязательностью или силой политической или юридической» [10, с. 36]. Однако понимая, что в сложившейся ситуации иллюзорно требовать пересмотра положений договора, правительство Советской России (СССР с 1922 года) вело сложные переговоры с норвежской стороной относительно его признания. Норвежцы, в свою очередь, были заинтересованы в урегулировании отношений с Россией по столь щекотливому вопросу как вступление во владение архипелагом, понимая, что в будущем это будет постоянным источником напряжения и вряд ли без ее согласия возможна реализация положений договора. Компромиссный вариант – признание государства в обмен на признание Парижского договора был единственным выходом из сложившихся обстоятельств.

15 февраля 1924 года Норвегия официально признала Советское государство, а уже на другой день Советский Союз признал Парижский договор о Шпицбергене, хотя официально СССР присоединился к Парижскому договору лишь 7 мая 1935 года – после того, как были установлены дипломатические отношения между Вашингтоном и Москвой (ст. 10 увязывала полноправное участие России в Парижском соглашении в зависимости от признания Советской России (Русского Правительства) всеми государствами-участниками; США были последней страной).

Возможность осуществления хозяйственной деятельности на не дискриминационной основе на Шпицбергене (ст. 3 договора) была весьма привлекательной идеей для СССР. 7 октября 1931 года Постановлением № 386 СНК СССР был создан государственный трест по добыче и сбыту угля и других ископаемых на островах и побережье Северного Полярного моря под названием «Арктикуголь», обладавшим правами на несколько шахт. Сегодня на архипелаге российский трест «Арктикуголь» владеет 23 горными отводами и четырьмя участками общей площадью 251 кв. км. Два из них в августе 1927 года правительство СССР выкупило у голландской компании за 2,5 млн голландских гульденов, два других участка были приобретены у русско-английской компании «Русский Грумант». В итоге ему принадлежали до войны участки Грумант, Баренцбург, Пирамида, Богеман-тундра. Находящиеся в собственности треста земельные участки, шахты, промышленное оборудование дают право Арктикуголю,

помимо угольного бизнеса, разведывать на архипелаге месторождения нефти и газа, а в прилегающей акватории вести рыбный промысел. Вблизи Шпицбергена наши траулеры набирают до четверти всего объема рыбодобычи в Баренцевом море. С 1932 года началось регулярное снабжение достаточно дешевым углем Мурманской и Архангельской областей. Однако исчерпание в 1990-х годах угленесущего слоя на шахте Пирамида поставило крест на прибыльности Арктикугля, быстро превратившегося в дотационный ресурс. При этом запланированные государственные расходы на содержание треста составляют 870, 820 и 806 млн рублей за 2008, 2009 и 2010 год, а деятельность сводится к поддержанию жизнедеятельности Баренцбурга, с 2006 года добывающего уголь только для собственного потребления [11].

Несмотря на это, руководство Арктикугля регулярно заявляет о скором возобновлении добычи на Пирамиде или в Груманте – позиция, частично поддерживаемая норвежскими шахтерами (сами норвежцы достаточно активны в добыче угля, но на них оказывается постоянно давление «зелеными», ратующими за прекращение добычи угля на Шпицбергене). К сожалению, эти заявления никак не подкрепляются практическими действиями со стороны российского государства.

Несмотря на ежегодные дополнительные государственные расходы России почти в 1 млрд. руб. сворачивать хозяйственную деятельность на Шпицбергене было бы крайне не разумно. В долгосрочной перспективе незамерзающий порт Баренцбурга может использоваться как база для обслуживания Северного морского пути, повышая вероятность своевременного предоставления ледокольного сопровождения и снижая риски, связанные с ледовыми повреждениями судов. Развитию Баренцбурга в этом направлении мешает как отсутствие дороги в поселке Лонгйир – норвежский административный центр Шпицбергена, так и устаревший формат экономической деятельности России в регионе. Данный вопрос достаточно подробно освещен в статье кандидата исторических наук А. Порцеля «Спор о Шпицбергене: точка не поставлена». Автор, прослеживая вековую историю взаимоотношений России и Норвегии, уделяет особое внимание вопросам хозяйственной деятельности той и другой стороны на архипелаге [12].

В последующие годы до и после Второй мировой войны СССР предпринимал попытки изменения правового статуса архипелага, но с началом «холодной» войны политическим целям СССР стал более соответствовать его статус, определенный Парижским договором. Со временем же проблема утратила свою остроту.

В 1925 году, согласно норвежской королевской резолюции, одновременно вступили в силу Договор о Шпицбергене, Горный устав для Шпицбергена (разработан Норвегией согласно ст. 8 договора и согласован с остальными странами, подписавшими вышеназванный договор) и национальный Закон о Шпицбергене (посредством его Норвегия приняла суверенные полномочия над архипелагом). Что касается Горного устава, то его разработка, в соответствии с принципами договора, никоим образом не соответствовала интересам норвежского государства, поэтому вскоре эти акты Норвегия попыталась использовать для укрепления своего суверенитета в ущерб правовой основе режима Шпицбергена и его уникальному международно-правовому статусу, хотя никаких других прав и оснований для владения Шпицбергенем кроме Парижского соглашения Норвегия не имеет. Отсюда следует, что, нарушая до-

говор, обходя его или отказываясь от его корректного соблюдения, Норвегия подрывала бы свое право на владение и управление архипелагом.

По мнению бывшего посла СССР в Норвегии Ю. А. Квицинского, не имея никаких других прав на Шпицберген, кроме положений Парижского договора, «...на протяжении десятилетий Норвегия ведет здесь хоть и умелую, но довольно рискованную игру с целью превращения своего условного суверенитета над архипелагом в безусловный, выхолащивания Парижского договора... и присвоения себе прав, не предусмотренных указанным договором. Эти усилия носят, к сожалению, системный и продуманный характер» [13].

Такого рода действия норвежской стороны, вопреки положениям Парижского договора, закрепившего права иностранных государств на архипелаге, ведут к «выдавливанию» их со Шпицбергена, а Норвегия присваивает себе права, не предусмотренные этим договором. Норвежцы умело используют возможности юридического маневра между положениями Парижского договора и последующими документами международного права: Женевскими конвенциями 1958 года и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Их противопоставление друг другу – обычный метод для выбора такого варианта международно-правовой трактовки вопроса, который в наибольшей степени отвечает национальному интересу Норвегии.

Специалисты выделяют пять основных направлений дезавуирования норвежской стороной положений Парижского договора:

- 1) постепенное сведение к нулю самостоятельной иностранной экономической, прежде всего горной, а также научной деятельности на архипелаге, с постановкой ее остатков под полный норвежский контроль и управление;
- 2) установление одностороннего норвежского контроля над прилегающими к Шпицбергену акваториями и шельфом без учета особого международного положения Шпицбергена, определенного Парижским договором;
- 3) шаги, направленные на фактическую эрозию статуса Шпицбергена как демилитаризованной территории;
- 4) отказ от рассмотрения вопросов положения Шпицбергена на двухсторонней или многосторонней основе, что преследует цель добиться фактического признания единоличной компетенции Норвегии в статусных и иных вопросах на Шпицбергене и вокруг его;
- 5) целенаправленное искажение смысла и отдельных постановлений Парижского договора в норвежской юридической литературе и выступлениях официальных лиц для обоснования и оправдания такой линии [13].

Хозяйственная деятельность стран-участниц Парижского договора на архипелаге регулируется Горным уставом. Он относится только к недрам суши, но не к недрам дна и территориальных вод архипелага. Уже после опубликования этого документа советская сторона, как отмечают юристы-международники А. Н. Вылегжанин и В. К. Зиланов, заявляла «о непризнании ряда содержащихся в Горном уставе предписаний о природоохранных мерах, а также о регламентации ведения изыскательских работ и бурении на нефть, археологических исследований» [14, с. 41]. Но эти же авторы подчеркивают: «На практике же, при отсутствии возражений большинства государств-участников договора, Горный устав Шпицбергена применялся и применяется. Соответственно, в настоящее время пока нет весомых и убедитель-

ных международно-правовых оснований считать его разработку и принятие противоречащим Договору о Шпицбергене и по этой причине недействительным или ничтожным» [16, с. 42]. Главное – соблюдается ли на практике принцип равноправия всех участников договора относительно их деятельности на архипелаге, не имеют ли вводимые норвежской стороной правила (прежде всего природоохранные) стремления дать односторонние преимущества кому бы то ни было.

Но по данному вопросу имеется и другое мнение, с которым трудно не согласиться. Как считает эксперт А. М. Орешенков: «В результате закулисных политических действий и эквилибристических манипуляций юридической техникой на грани международного обычного и международного договорного права при разработке дополнительного международного соглашения о Горном уставе для Шпицбергена Норвегия не предоставила гражданам/подданным стран-участниц Парижского договора 1920 года режим, указанный в его седьмой статье. В этой связи в рамках международно-правового режима архипелага отсутствует основа реализации прав граждан/подданных стран-участниц этого соглашения согласно статьям 3, 5 и 8 Парижского договора. Применение такого Горного устава (утвержден и введен в действие в 1925 году) на территории архипелага сделало фактически недействительным Парижский договор 1920 года» [15].

Страны-участницы Парижского договора признали суверенитет Норвегии только над сухопутной территорией Шпицбергена и острова Медвежий. Согласно статье 8 договора, Горный устав также действует только на той же территории. Но еще в начале 1960-х, то есть задолго до установления границ территориального моря вокруг Шпицбергена (1970), Норвегия в одностороннем порядке распространила действие Горного устава и соответственно договора на геологический шельф архипелага. При этом норвежские официальные лица, ссылаясь на Королевскую резолюцию от 31 мая 1963 года, утверждают, что с момента ее принятия там же действовало шельфовое законодательство континентальной части их государства. Ни одна из стран-участниц договора о Шпицбергене не заявила протест в связи с явным нарушением норвежской стороной положений договора, на одностороннее изменение ею пространственной сферы действия Горного устава. А на это изменение она должна была получить их согласие. Не заявление протеста в международном праве означает согласие государства с действиями другой стороны. В данном случае уже в дальнейшем Норвегия может ссылаться на данный прецедент как на обычную норму, чем она в дальнейшем и воспользовалась.

Вопрос о Шпицбергене – постоянная тема российско-норвежских переговоров и контактов на высоком уровне. 3 июня 1977 года Норвегия объявила в одностороннем порядке о введении 200-мильной рыбоохранной зоны в морском районе Шпицбергена, на что последовала нота протеста Правительства СССР от 15 июня 1977 года. В ней было указано, что в решении Норвегии установить 200-мильную рыбоохранную зону означает «явное несоответствие обязательствам, принятым на себя Норвегией по Договору о Шпицбергене 1920 года. Решение принято норвежским правительством в одностороннем порядке и основывается на внутреннем законодательстве Норвегии, хотя касается особого района, который подпадает под действие упомянутого договора».

Норвежские законодатели сочли достаточным данное распространение пространственной сферы действия договора до границ территориального моря архипелага. В законе о нефтегазовой деятельности, принятом в 1985 году и устанавливающим юрисдикцию Норвегии на весь принадлежащий ей шельф, включая шельфовые пространства в зоне действия договора о Шпицбергене, они вывели сухопутную территорию архипелага и геологический шельф в пределах его территориального моря из пространственной сферы действия этого закона.

Тем самым законодатели из Норвегии подменили вопрос об общепринятом порядке распространения юрисдикции прибрежного государства на прилегающие морские пространства рассуждениями о том, что с пространственной точки зрения действие договора о Шпицбергене ограничено, якобы, пределами территории архипелага, а при подписании Парижского договора в 1920 году не было международно-правовых норм, позволявших прибрежным государствам устанавливать суверенные права за пределами территориальных вод.

Вот мнение по данному вопросу специалиста по теории международного права профессора МГИМО А. Н. Вылегжанина: «...сущностные ограничения суверенитета Норвегии делают невозможным уравнивание территориальных вод местностей» Шпицбергена и института «территориального моря прибрежного государства». Ни Норвегия, ни другое государство-участник Парижского договора не имеют своего территориального моря вокруг Шпицбергена. Эти ключевые положения договора не могут быть изменены национальным законодательством Норвегии, применимым в силу суверенитета к Шпицбергену, даже Горным уставом Шпицбергена. В случае противоречия горного устава договору о Шпицбергене применяются положения договора» [16, с. 65].

Если говорить о хозяйственной деятельности других стран, то в настоящее время практически на Шпицбергене ни одно иностранное государство, за исключением России, существенной самостоятельной экономической деятельности не ведет, архипелаг фактически давно закрыт для хозяйственной, научной и иной деятельности государств-участников Парижского договора. Уже со второй половины XX века Норвегией было объявлено заповедными землями 60 % территории Шпицбергена, а 15 июня 2001 года с помощью нового закона об охране природы архипелага была практически закрыта и его остальная часть. В соответствии с § 47–64 этот закон вместо прежней уведомительной процедуры норвежских властей о возможных новых разработках полезных ископаемых или иной хозяйственной деятельности вводит разрешительный порядок для всех участников экономической деятельности на архипелаге. Это можно расценивать как очередную попытку норвежских высших властей обойти если не букву, то дух Парижского договора.

Свое отношение к введению такого порядка Россия изложила в памятной записке от 4 октября 2001 года, где указывалось, что право на занятие всяким судоходным, промышленным, горным и коммерческим делом на территории Шпицбергена предоставлено в статье 3 договора и для осуществления такой деятельности не требуется каких-либо дополнительных разрешений. Кроме того, и в Горном уставе, согласованном странами-участницами в 1925 году (ст. 8), не предусматривается разрешений. Содержание Горного устава, выработанного

в связи с Парижским договором, было условием вступления этого договора в силу и не может в одностороннем порядке изменяться Норвегией.

Далее, § 11–22 закона устанавливает «природоохранные зоны», но никак не ограничивают эти меры ни пределами реальной необходимости, ни международно-правовыми обязательствами Норвегии. Соответственно, указанные положения закона в связи с этим нельзя толковать иначе, как нацеленные на ограничение, а возможно и сведение на нет принципа обеспечения свободного доступа граждан всех участников соглашения к ведению хозяйственной и иной деятельности, а также права производить разведку, приобретать и разрабатывать естественные месторождения угля, нефти, а также других минералов и горных пород. Создание природоохранных зон на земельных участках Грумант и Тундра Богемана влечет ограничение пользования частью этих участков их владельцем – трестом «Арктикуголь», что противоречит статье 7 Парижского договора.

Указанные положения закона не только затрудняют осуществление прав на ведение хозяйственной деятельности на архипелаге, предусмотренные статьей 3 Парижского договора и Горным уставом, но и неоправданно расширяют права норвежских властей, которые могут разрешать или запрещать по своему усмотрению любую деятельность на архипелаге, вмешиваться в нее и даже распоряжаться чужой собственностью.

Далее, § 82 закона уполномочивает норвежские власти устанавливать в водах Шпицбергена районы, где плавание запрещено, а также запрещать использование определенных типов судов. Все это противоречит статье 3 Парижского договора, установившей «свободу доступа для любой цели и задачи в воды, фьорды и порты» Шпицбергена. Статья 2 договора, как известно, гарантирует судам и гражданам всех договаривающихся сторон доступ к осуществлению права на рыбную ловлю и на охоту в архипелаге и его территориальных водах. Однако § 32 закона предусматривает специальные сборы, а также запрет на охоту на некоторые виды животных для лиц, не имеющих на Шпицбергене постоянного места жительства.

23 февраля 2003 года Комитетом Совета Федерации по делам севера и малочисленных народов было принято решение «Об экономических, социальных и международных проблемах реализации прав Российской Федерации, вытекающих из Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года», в котором констатировалось, что «...Норвегия стремится путем дополнительного расширения заповедных зон и запрещения там хозяйственной деятельности вытеснить Россию с архипелага. На это же направлен вступивший в силу с 1 июля 2002 года закон „Об охране окружающей среды на Шпицбергене“, некоторые положения которого противоречат Договору от 1920 года. Ставится под сомнение демилитаризованный статус архипелага. Все это создает опасность вынужденного ухода России со Шпицбергена».

Правительство России расценило данный закон как попытку ограничения российских прав на Шпицбергене и предупредило, что оставляет за собой право не принимать во внимание ряд положений закона об охране окружающей среды на Шпицбергене и принятые на их основе акты, вступающие в противоречие с договором 1920 года, а в дальнейшем руководствоваться непосредственно положениями указанного договора. Только такая твердая позиция России заставила норвежскую сторону начать совместные поиски разрешения конкрет-

ных проблем, возникающих в связи с использованием участков территории Шпицбергена, принадлежащих России на правах собственности.

Многолетние и острые споры идут вокруг вопроса об односторонних действиях Норвегии по распространению своей компетенции на прилегающие к архипелагу обширные акватории. Речь идет об установлении в 1977 году 200-мильной исключительной экономической зоны (рыболовной, рыбоохранной и т. п.) вокруг Шпицбергена. С точки зрения международного права, Норвегия не может присваивать эти участки открытого моря своими внутренними законодательными актами, либо же она должна подчинить режим этих участков тому режиму, который установлен для архипелага Парижским договором. Большинство стран мира, кроме Канады и Финляндии, не признает законность действий Норвегии. Не признает их и Россия.

Более того, страны, ведущие активный рыбный промысел, такие, например, как Исландия или Испания, грозят обратиться в Международный Суд, однако норвежцам удается удерживать в течение десятилетий созданное ими положение только ценой договоренности с Россией о порядке распределения выловленной в шпицбергенской зоне рыбы.

Вопрос о правовом режиме морских пространств вокруг Шпицбергена и его природных ресурсах не был решен и в последующие годы. Норвегия демонстрировала намерение обеспечивать выполнение своего законодательства о 200-мильной зоне, а СССР, Исландия и ряд других стран демонстрировали намерение отвергнуть эти притязания как не соответствующие международному праву. «С практической точки зрения поставлен современной экономической деятельностью следующий вопрос толкования Парижского Договора 1920 года: вправе ли Норвегия запретить всем другим государствам-участникам Парижского договора осуществлять рыболовство в территориальных водах Шпицбергена – или, тем более, во всем районе действия договора – по причине чрезмерной эксплуатации морских живых ресурсов, например?» Как отмечают А. Н. Вылегжанин и В. К. Зиланов, «некоторые законодательные меры, водимые Норвегией в одностороннем порядке (закрытие районов промысла именно для траловых судов, иные ограничения) косвенно предоставляют пользу только норвежской стороне. Дело в том, что эти меры не затрагивают в практическом плане норвежский флот: он в эти периоды здесь либо не ведет промысел, либо ведет его ярусами, а не тралами» [16, с. 68].

Относительно рыболовства в шпицбергенской зоне – у России совместный с Норвегией интерес в сохранении и рачительном управлении биоресурсами Баренцева и Норвежского морей, как это определено советско-норвежскими договорами о рыболовстве 1975 и 1976 годов. Ежегодно устанавливаемая допустимая квота вылова рыбы выбирается Россией и (в меньшей степени) Норвегией в акваториях этих морей, включая зону Шпицбергена. Открытие этого участка моря в соответствии с Парижским договором для неограниченного доступа туда третьих государств не соответствовало бы как российским, так и норвежским интересам. Именно исходя из этого и была заключена советско-норвежская договоренность от 16 марта 1978 года (коммюнике Ишков-Эвенсен), которой определялся режим и порядок контроля за осуществлением рыболовства в районе Шпицбергена при оговорке, что стороны продолжают придерживаться своих принципиальных позиций.

Пока СССР был мощной державой, пока корабли ВМФ сопровождали наши рыболовные суда (обычная международная практика), серьезных конфликтов по вопросам рыболовства не было, но с развалом СССР и сокращением в разы ВМС России уже в 90-е годы задержание российских траулеров норвежскими военными судами стало почти нормой. В 2004 году Норвегия без чьего-либо согласия увеличила свою территорию Баренцева моря на целых 8 миль (с 4 до 12), самовольно перенесла границу, а вскоре задержала в этой 12-мильной зоне три российских траулера, пересекших новую границу в районе архипелага Шпицберген. Ежегодно унижительной процедуре досмотра подвергаются сотни российских рыболовных судов, а десятки из них – арестовывают. Эту задачу в международных водах Баренцева и Норвежского морей выполняют боевые корабли ВМС Норвегии. Данная проблема не нашла своего разрешения и по настоящий день.

Несмотря на подписанное еще 15 февраля 1957 года Соглашение между СССР и Норвегией о морской границе между двумя странами, до сих пор окончательно не решены проблемы разграничения экономических зон и континентального шельфа в Баренцевом море. СССР и Норвегия выдвинули принципиально разные предложения по установлению границ экономических зон, а следовательно, и шельфовых владений в Баренцевом море.

Норвегия одним из первых государств ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года и на основании статей 57, 74, 83 этой Конвенции [17] требовала раздела по линии равных расстояний между берегами двух стран. Но правомерно ли это требование Норвегии с точки зрения международного права? Весьма спорный вопрос. Во-первых, разграничение арктических пространств не было предметом обсуждения III морской конференции, это слишком специфическая часть морских пространств, представляющая в большей своей части покрытые льдом морские территории с весьма экологически уязвимой средой. Твердая позиция в этом вопросе делегации СССР, возглавляемой настоящим государственным деятелем А. А. Громыко, поддержанная делегациями ряда других стран, вывела эту проблему за рамки Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Во-вторых, даже с учетом ратификации Россией указанной Конвенции в 1997 года и возможности применения принципа раздела морских пространств по линии равных расстояний, этот часто встречающийся принцип раздела не является универсальным. Ведь одна из стран может получить решающее преимущество при разделе просто за счет выступающего мыса или полуострова. Именно так и обстоит дело в Баренцевом море, где крайняя восточная точка норвежского берега «нависает» над российской самой западной точкой, а та же часть 1 статьи 74 Конвенции гласит: «Делимитация исключительной экономической зоны между государствами с противоположными или смежными побережьями осуществляется путем соглашения на основе международного права... в целях достижения справедливого решения». Поэтому этот принцип часто корректируется посредством учета длины и населенности побережья. Советский Союз выступил с предложением провести линию раздела по границе полярного сектора СССР, установленную еще в 1926 году. Этот полярный сектор, признаваемый и поныне, означает принадлежность России не моря, а только суши, находящейся внутри этого сектора (в том числе суши, которая может быть открыта или подняться над поверхностью моря в результате тек-

тонических процессов). В позиции СССР была своя логика: если вся суша внутри полярного сектора наша, то естественно и морские пространства разграничить по этой линии.

Эти две несовпадающие позиции СССР и Норвегии и образовали в Баренцевом море спорный район площадью примерно 175 тыс. кв. км. Ни Норвегия, ни Советский Союз не готовы были принять позицию противоположной стороны. Попытка СССР в 80-х годах начать здесь разведку полезных ископаемых натолкнулась на резкие протесты Норвегии. С тех пор на ведение геолого-поисковых работ в этой акватории объявлен мораторий.

В 1975 году Норвегия выступила с предложением провести разграничение континентального шельфа по линии, проходящей восточнее границы полярных владений Советского Союза, тем самым претендуя на 155 тыс. кв. км советских (российских) морских пространств. Но это еще не все. Норвегия выдвинула претензии еще на 10 тыс. кв. км в качестве своей экономической зоны при выпрямлении на север от Шпицбергенского квадрата границы полярных владений России. Россия в этом случае теряет участок акватории площадью в 25 тыс. кв. км.

Для урегулирования проблемы во взаимоотношениях 15 октября 1976 года правительства СССР и Королевства Норвегии подписали Соглашение о взаимных отношениях в области рыболовства, а 11 января 1978 года – Протокол о временных правилах рыболовства в так называемой «серой зоне» Баренцева моря – спорной акватории, где столкнулись интересы двух стран, о чем уже выше упоминалось. Но это не решило проблемы континентального шельфа.

С 70-х годов самые острые споры ведутся по вопросу юридической принадлежности месторождений углеводородов на морском дне вокруг Шпицбергена, так как в этом вопросе столкнулись интересы многих государств. Норвежская сторона настойчиво стремится к закреплению своих прав на континентальный шельф в этом регионе. Об этом заявил норвежский министр иностранных дел Й. Г. Стёре, выступая 10 ноября 2005 года в университете города Тромсё: «Норвегия... будет стремиться к международному признанию своих взглядов в отношении архипелага Шпицберген, ...добычи нефти и газа, а также рационального управления ресурсами» [18].

Насколько правомерны эти притязания норвежской стороны? Ответ надо искать в том же единственном на сегодня правоустанавливающем международно-правовом акте по Шпицбергену Парижском договоре. Эксперт по правовым вопросам Арктики А. М. Орешников совершенно справедливо указывает, что с точки зрения круга географических и правовых понятий, использованных в статье 3 договора о Шпицбергене, и осуществления юрисдикции в их пределах положения этой статьи практически полностью соответствуют кругу понятий части V «Исключительная экономическая зона» (ИЭЗ) Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Согласно ее положениям, ИЭЗ представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему. В его состав входят воды, покрывающие морское дно, само морское дно и его недра, которые подпадают под особый правовой режим, устанавливаемый соответствующими положениями Конвенции 1982 года.

Норвежские законодатели, чтобы обойти эти неудобные для своей страны положения Конвенции ООН 1982 года, еще в 1976 году приняли закон об экономической зоне Норвегии

(Lov om Norges økonomiske sone», Rolf Einar Fife, Director General, Legal Affairs Department, Royal Ministry of Foreign Affairs, Oslo, «Svalbard and the Surrounding Maritime Areas), который регулирует правоотношения, касающиеся только живых ресурсов в водах за пределами территориального моря и на расположенном под ними дне, но не затрагивает недра этого дна.

На его основе в 1977 году была принята Королевская резолюция о рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена (Forskrifter om fiskevernsonen ved Svalbard). В ней не были учтены положения договора о Шпицбергене, предусматривающие установление в ее пределах такого режима, который гарантировал бы частным лицам и компаниям стран-участниц этого договора тот же объем прав в водах, прилегающих к архипелагу, что и в его территориальных водах. Правомерность принятия такой резолюции, также как и режим рыбоохранной (экономической) зоны Шпицбергена не признаны многими участниками Парижского договора 1920 года, поскольку применение такого национального нормативного акта представляет собой прямое нарушение статьи 3 этого договора.

Для обоснования своей позиции норвежские официальные лица ссылаются на тот факт, что суверенитет Норвегии над Шпицбергенем, как это следует из статьи 1 договора, был признан только над сухопутной территорией архипелага, а договорная сфера ее территориального верховенства расширена статьями 2 и 3, где есть упоминания о территориальных водах архипелага. Кроме того, они утверждают, что, располагая правом на установление исключительной экономической зоны, они довольствовались меньшим – рыбоохранной зоной [19].

Такие действия норвежская сторона объясняет тем, что у архипелага в момент вынесения Королевской резолюции не было границ территориальных вод, то есть точек отсчета исходных линий, которые используются для отсчета границ континентального шельфа и исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Норвегия установила границы «территориального моря» архипелага только в 1970 году, не указав причины, по которым она применяет юридический термин «территориальное море». При этом в Осло считают, что «у Шпицбергена нет своего шельфа, так как он, согласно этой позиции, представляет собой естественное продолжение подводной части не архипелага, а континентальной Норвегии. В этой связи в пределах границ «норвежского» шельфа, устанавливаемых от базисных линий архипелага, действуют те же нормы, что и на шельфе материковой части страны» [20]. С учетом этого, по их мнению, на норвежском континентальном шельфе, простирающемся от материковой Норвегии на юге до потенциальных северной, западной и восточной границ «шельфа» Шпицбергена, должны применяться положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 года в толковании, применяемом к такому континентальному шельфу, который в качестве своей первоначальной основы имеет сухопутную территорию, над которой государство располагает полным и абсолютным суверенитетом.

В 1985 году Норвегия ввела в действие в шельфовых пространствах вокруг архипелага национальный нефтегазовый закон, который был разработан для континентальной части этой страны и ее шельфа. На основании этого закона Норвегия в одностороннем порядке ограничила зону действия договора о Шпицбергене пределами суши и территориального моря архипелага.

Как было указано выше, площадь пространств в зоне действия договора о Шпицбергене, режим которых имеет спорный характер, составляет более 1 млн кв. км. Норвегия стремится установить границы «шельфа» и рыбоохранной зоны Шпицбергена на запад и восток на основании принципа срединной линии. Однако границу этой зоны в южном направлении (в сторону континентальной части страны) она установила без его учета.

В 2006 году Норвегия заключила договор с Данией о разграничении между Гренландией и Свальбардом (Шпицбергенем), но опять без учета пространственной сферы действия договора о Шпицбергене. Попытка разобраться с этими проблемами, предпринятая в июне 2006 года британским внешнеполитическим ведомством, которое собрало экспертов министерств иностранных дел стран-участниц договора о Шпицбергене (без участия норвежского представителя), не дала результатов.

Исследование проблемы определения правового режима и Шпицбергена и его шельфа невозможно без определения вопроса о юридической природе Горного устава. Выяснению этого вопроса препятствует то, что официальный перевод договора о Шпицбергене на русский язык выполнен с ошибками ключевых положений этого соглашения, а перевод Горного устава на русский язык вообще не публиковался ни в официальной, ни в научной литературе. Все это не позволяет российским юристам вести квалифицированную дискуссию по проблематике архипелага и режима прилегающих к нему морских пространств.

Говорить же об установлении режима Парижского договора на прилегающих к Шпицбергену морских пространствах и границ прилегающих к нему шельфовых пространств можно только после выяснения вопроса о юридической природе Горного устава. В свою очередь, решение этого вопроса позволит говорить о возможности установления на геологическом и континентальном шельфе Шпицбергена налогового законодательства в соответствии с Парижским договором 1920 года [21].

В начале XXI века Шпицберген привлек к себе повышенное внимание политиков, ученых, хозяйственников, журналистов. Во многом это обусловлено позицией Норвегии, активизировавшей на рубеже XX–XXI веков свою «арктическую экспансию». Норвежцами разработана программа развития северных территорий, получившая название «Баренц-2020». По заявлению политиков, данный план станет основным, определяющим политику Норвегии в арктических районах. Презентация проекта была проведена 10 ноября 2005 года в университете города Тромсё. В докладе МИД Норвегии № 30 (2004–2005 гг.) стортингу отмечено, что Шпицберген является ключевым объектом в «высокоширотной северной политике» Норвегии, а последняя, в свою очередь, «занимает уже в течение длительного периода центральное место в политике Норвегии».

Как уже было выше сказано, переговоры по разграничению континентального шельфа и экономических зон в Баренцевом море начались между Норвегией и СССР еще в 1970 году. СССР настаивал на секторном принципе разграничения (по меридиану от сухопутной границы до Северного полюса). Норвежская сторона считала справедливым раздел по срединной линии, проходящей на равном расстоянии от архипелага Шпицберген на западе и от островов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа на востоке. В результате и образовалась спорная, так называемая, «серая зона» (определение дано норвежцами) площадью в 175 тыс. кв. км

(примерно 12 % площади Баренцева моря). Запасы нефти в этом районе достигают 1,36 млрд т, газа – 5,87 трлн куб. м, прогнозируемые ресурсы составляют порядка 10 млрд т условного топлива, потенциал добычи – 20 млн т углеводородов в год.

В 1975 и 1976 годах стороны заключили соглашения, о которых уже шла речь, о сотрудничестве в области рыболовства и установили в одностороннем порядке свои исключительные экономические зоны, распространяющиеся на 200 морских миль от их берегов. В 1977 году переговоры по делимитации были осложнены введением Норвегией 200-мильной охранной зоны вокруг Шпицбергена. Россия не признавала эту зону, считая, что она противоречит международному Договору о Шпицбергене 1920 года. В 1978 году сторонам удалось договориться о совместном управлении частью оспариваемой территории площадью 67,5 тыс. кв. км (23 тыс. кв. км норвежской экономической зоны и 3 тыс. кв. км – российской), было подписано временное соглашение о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулирования рыболовства в смежном участке Баренцева моря (продлевается ежегодно, последний раз в 2010 году до 1 июля 2011 года или до даты вступления в силу договора о разграничении морских пространств). Квоты вылова рыбы в норвежской и российской экономических зонах, а также квоты вылова для двух стран в смежной зоне Баренцева моря определяет смешанная российско-норвежская комиссия по рыболовству (создана в 1975 году).

Вопрос о делимитации морских пространств подошел к той фазе, когда надо было на государственном уровне решать эту проблему между Россией и Норвегией. Так, в июле 2007 года было подписано Соглашение о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда, вступившее в силу в 2008 году, в основу которого впервые в практике обоих государств были положены соответствующие статьи Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. В Соглашении были уточнены координаты линии государственной границы между двумя странами на море. Варангер-фьорд (Варяжский залив Баренцева моря) расположен у северных берегов Европы между полуостровами Рыбачий (РФ) и Варангер (Норвегия). Соглашение предусматривает разграничение внешней части залива (предыдущее соглашение по Варангер-фьорду от февраля 1957 года касалось внутренней его части).

В апреле 2010 года в ходе государственного визита президента РФ Дмитрия Медведева в Норвегию было подписано Совместное заявление по вопросам разграничения морских пространств и сотрудничества в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, в котором зафиксировано намерение подписать соответствующий договор. Стороны пришли к соглашению по точным координатам разграничительной линии. В соответствии с достигнутой договоренностью спорный участок должен быть разделен практически поровну. Оставался небольшой северный участок и часть открытого моря.

Наконец, 15 сентября 2010 года в Мурманске главами МИДов двух стран в присутствии президента России и премьер-министра Норвегии был подписан Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. 8 февраля 2011 года договор был ратифицирован парламентом Норвегии, а 25 марта – парламентом России [22].

В соответствии со статьей 1 договора «линия разграничения морских пространств между Сторонами в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане определяется как геодезические линии, соединяющие точки, которые определены следующими координатами:

1. 70°16'28.95" с. ш. 32°04'23.00" в. д. Эта точка соответствует точке 6 линии разграничения, как она определена в Соглашении 2007 года.
2. 73°41'10.85" с. ш. 37°00'00.00" в. д.
3. 75°11'41.00" с. ш. 37°00'00.00" в. д.
4. 75°48'00.74" с. ш. 38°00'00.00" в. д.
5. 78°37'29.50" с. ш. 38°00'00.00" в. д.
6. 79°17'04.77" с. ш. 34°59'56.00" в. д.
7. 83°21'07.00" с. ш. 35°00'00.29" в. д.
8. 84°41'40.67" с. ш. 32°03'51.36" в. д.

Конечная точка линии разграничения определяется как точка пересечения геодезической линии, проведенной через точки 7 и 8, и геодезической линии, соединяющей самую восточную точку внешней границы континентального шельфа Норвегии и самую западную точку внешней границы континентального шельфа Российской Федерации, как они установлены в соответствии со статьей 76 и Приложением II Конвенции». Согласно ему, России отошло 860 тыс. кв. км спорного участка, Норвегии – 510 тыс.

Договором подтверждены все ранее достигнутые договоренности по рыболовству. Так, пункт 2 статьи 4 гласит: «С этой целью Стороны продолжают осуществлять тесное сотрудничество в сфере рыбного промысла с тем, чтобы сохранить их существующие доли в объемах общего допустимого улова и обеспечить относительную стабильность их рыболовной деятельности по каждому соответствующему виду рыбных запасов». А пункт 3 этой же статьи подтверждает рациональное использование биоресурсов в интересах сторон договора: «Стороны широко применяют предосторожный подход к сохранению, управлению и использованию совместных рыбных запасов, включая трансграничные рыбные запасы, в целях защиты морских живых ресурсов и сохранения морской среды».

Приложением I к договору (ст. 2,) в бывшем спорном районе в пределах 200 морских миль от материковых частей России или Норвегии, якобы, в интересах России, содержатся положения о сохранении в течение переходного периода сроком в два года с даты вступления в силу настоящего договора существующих технических правил в отношении размера ячеек сетей и минимального промыслового размера, установленные каждой из сторон для своих рыболовных судов (через два года никаких изменений в наших устаревших приемах рыбной ловли не произойдет). Общие допустимые уловы, взаимные квоты вылова и другие меры регулирования рыболовства по-прежнему согласовываются в рамках Смешанной Российско-Норвежской комиссии по рыболовству (ст. 3).

Предполагается, что после вступления договора в силу, как минимум еще в течение пятнадцати лет (с возможным продлением на последующие шестилетние периоды) будут действовать основополагающие российско-норвежские соглашения 1975–1976 годов и продолжится работа смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству.

Относительно целесообразности подписания данного договора российской стороной споры политиков, хозяйственников и юристов как до его ратификации, так и по настоящее время не утихают, и точки зрения высказываются самые противоположные.

При первом знакомстве с текстом договора возникает впечатление, что он создал благоприятные правовые условия для освоения нефтегазовых ресурсов арктического континентального шельфа (хотя предметом раздела являлись исключительно морские пространства), возможности кооперации по разведке и добыче углеводородов в бывшем спорном районе (Приложение II к договору). Тем более, по мнению специалистов, в материковой части Арктики может располагаться около 13 % неразведанных мировых запасов нефти и 30 % запасов газа. Договор предусмотрел и подробную регламентацию российско-норвежского сотрудничества в эксплуатации минеральных ресурсов. Основой взаимодействия в этой сфере был провозглашен принцип, закрепленный Соглашением сторон 2007 года, в соответствии с которым каждое месторождение, пересекаемое линией разграничения, может эксплуатироваться только совместно и как единое целое (ст. 5). Такой подход позволяет заблаговременно и эффективно снимать возможные разногласия по вопросу распределения углеводородных ресурсов.

В результате разграничения у России и Норвегии в этом районе появились четкие границы исключительных экономических зон и континентального шельфа. Кроме того, договор снимал и мораторий на добычу полезных ископаемых в спорном районе.

Однако ничего не говорится о том, чьим законодательством будут регулироваться налоги, пошлины, сборы, взимаемые со сторон за добычу минеральных ресурсов, будут ли они установлены в соответствие со ст. 8 договора о Шпицбергене (весьма щадящий режим) и направляться на его нужды, или будет применяться норвежское законодательство с зачислением платежей в бюджет Норвегии. Если стороны не оговорили данный вопрос, то, видимо, предполагался последний вариант, а будет ли это выгодно России?

Положительная оценка данного договора озвучена президентом РФ Д. А. Медведевым еще на церемонии подписания договора. Президент России назвал договор о разделе Баренцева моря «абсолютно проработанным, с точки зрения юридического инструментария, и выверенным... Он отражает баланс интересов по всем чувствительным сферам сотрудничества», – заявил президент на совместной со Столтенбергом пресс-конференции. «Прежде всего, это энергетика, – пояснил Медведев, – потому что неурегулированность вопросов о территориальном размежевании, разграничении морских пространств, конечно, не давала возможности заниматься крупными энергетическими проектами. Самой распространенной проблемой на сегодня стала возможность работы по тем месторождениям, которые находятся на пространствах, подведомственных или отнесенных к юрисдикции и той, и другой стороны, то есть совместные месторождения. У этой проблемы может быть только одно успешное решение, и заключается оно в том, что по таким месторождениям нужно работать совместно» [23].

«Заключение договора отвечает интересам Российской Федерации. Уточнение пределов распространения суверенитета, суверенных прав и юрисдикции двух государств будет способствовать укреплению стабильности и предсказуемости российско-норвежских отноше-

ний, созданию благоприятных условий для расширения взаимовыгодного сотрудничества», – говорится в пояснительной записке к проекту федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» [24].

Но чем больше размышляешь над содержанием договора, тем больше возникает вопросов. Относительно его заключения – да, это объективная реальность нашего времени. Договор такого рода между соседними странами необходим. Но весь вопрос в содержании соглашения. Почему норвежский парламент единогласно, без проволочек ратифицировал новое соглашение? Кроме хвалебных отзывов по существу договора других с норвежской стороны нет и это понятно, она добилась, чего хотела. Но чему рады наши политики вместе с президентом? Тому, что разграничили морские пространства и нам отошла даже чуть большая часть? Но ведь разграничение проведено на норвежских условиях, мы добровольно отдали богатейшие нефтегазовые морские месторождения, разведанные советскими геологами (весьма затратное предприятие). В частности, норвежцам отошел Свод Федынского, на котором запасы газоконденсата, примерно 10 млрд. куб. м, что втрое превышает Штокмановское месторождение. Россия даже не сделала попытки обращения в Международный Суд с целью справедливого разграничения, хотя для этого были все основания. По договору России отошли северо-восточные пространства, значительно более бедные рыбными запасами и со значительно более худшими климатическими условиями, а реверансы норвежской стороны относительно временного сохранения прежних договоренностей в области рыболовства существенного значения не имеют: у временных соглашений есть свойство когда-то заканчиваться, а норвежская сторона как арестовывала наши суда по ее же принятым правилам, так и будет – с конкурентами не церемонятся, тем более со слабыми.

У противников договора в том виде, в каком он заключен, весьма убедительные доводы. Так, первый заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам Леонид Калашников еще до ратификации договора, выражая позицию КПрФ, считал, что уступка богатейшей части Баренцева моря с огромными запасами нефти и рыбы подрывает стратегические интересы России. Он полагал, что ратификация Россией нового договора «будет означать отказ от правовой позиции, которую наша страна отстаивала несколько десятков лет. Это наша очередная территориальная уступка вслед за передачей США части шельфа Берингова моря, а Китаю – спорных островов на Амуре... Главная цифра, которую нужно учитывать при оценке нового договора, такова: 60 % российского улова в Баренцевом море сегодня добывается в районах, которые новый договор отдает под юрисдикцию Норвегии. А российские рыбаки очень хорошо знают, как норвежцы умеют теснить наш рыболовный флот. И как равнодушно относится к защите наших рыбаков от норвежского произвола российское государство»². Или мнение О. Реута, который занимается проблемой разграничения российско-норвежских морских пространств в течение последних девяти лет, и считает, что в сентябре 2010 года был подписан недопустимо несправедливый договор. Свое мнение он подкрепляет следующими доводами: «Да, договор позволит России и Норвегии после 30-летнего моратория беспрепятственно осваивать нефтегазовые месторождения Баренцева

² URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=83564>.

моря. Но в ближайшие два десятилетия Россия все равно не будет этого делать. В руках Газпрома уже находятся два гигантских месторождения – газовое Штокмановское и нефтяное Приразломное. Несмотря на все прожекты (которые мог пристально наблюдать с осени 1998 года, когда пришел работать на внешнеэкономическом направлении в органах госвласти), они не осваиваются. Окончательных инвестиционных решений, например по Штокману, до сих пор не принято. А прошло почти тринадцать лет! У России нет собственных технологий сжижения газа. Не определено, будет ли формироваться международный консорциум и, если да, то с кем именно? Не определено, будет ли в Мурманской области строиться завод по сжижению газа и если да, то где именно? Не определено, куда и как пройдет «большая труба» при ориентации на европейский рынок потребителей. Или все-таки предпочтение будет отдано рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона и тогда – как именно энергоресурсы будут транспортироваться? Важнейший вопрос – где взять 20–22 млрд. долларов на начало освоения Штокмана? В этой ситуации полагать, что Россия (Газпром) будет осваивать новые месторождения в Баренцевом море, которые еще даже предварительно не обследованы, представляется просто безответственным» [25]. Обоснованное беспокойство.

Свою позицию относительно ратификации договора высказали известные юристы, политики (Галицкий В. П., Гоманов Н. Д., Гуреев И. И., Зиланов В. К., Илюхин В. И. и др.) в открытом письме президенту РФ и председателю Правительства РФ «Новые договоренности с Норвегией должны отвечать нашим национальным интересам». Их обеспокоенность вызвана тем, что «уступчивость» российской стороны приведет, во-первых, к тому, что Норвегии уходят территории, на которых наш северный рыболовецкий флот берет 60–70 % годового промысла; во-вторых, у России более не будет оснований возражать против 200-мильной зоны Норвегии вокруг Шпицбергена; в-третьих, у России не будет оснований возражать против континентального шельфа Норвегии вокруг Шпицбергена; в-четвертых, у России не будет оснований возражать против территориального моря Норвегии вокруг Шпицбергена, а ранее перечисленные основания были, согласно Договору о Шпицбергене 1920 года. И, наконец, всякая экономическая деятельность России после вступления в силу договора 2010 года в морских районах вокруг Шпицбергена на основе Договора о Шпицбергене 1920 года становится юридически невозможной (на это необходимо согласие других участников договора по Шпицбергену). Такая деятельность возможна только при полном подчинении законодательству Норвегии о ее территориальном море, 200-мильной зоне, континентальном шельфе [26].

Таким образом, вполне правомерен вопрос: что заставило исполнительную власть России без широкого обсуждения положительных и отрицательных сторон договора, без юридической экспертизы его последствий, спешным образом в марте 2008 года подписывать закон о разграничении вод в Варангер-фиорде, а в сентябре 2010 года договор по разграничению «серой» – спорной зоны в Баренцевом море, названную так норвежской стороной в 1974 году, а представительную власть поспешно утверждать решение исполнительной ветви власти? Потери – налицо, приобретения – под большим вопросом, кроме «духа сотрудничества и добрососедства» здесь нет ничего. Прибыль энергетических компаний, по большей части, никак не сказывается на благосостоянии россиян. Понятна позиция норвежских руководителей государства. Они настойчиво, упорно, агрессивно отстаивают интересы своей страны, обще-

ства, граждан (свидетельство тому – высокий жизненный уровень населения), а наши руководители и депутаты – чьи интересы? Тем более исторический прецедент позорного соглашения, именуемого Временным соглашением Бейкера-Шеварднадзе 1990 года о разграничении акватории Берингового моря, слишком памятен. Этим внезапным решением президента СССР Горбачева США были дарованы 46 тыс. кв. км российского шельфа, а исключительная экономическая зона СССР «ужалась» до 150 миль, в то время как американская разрослась до 250 миль. В результате Советский Союз потерял не только нефтеносные скважины на шельфе, но и богатейшие биоресурсы этой зоны (только улов минтая составлял 200 тыс. т в год).

Вывод только один: все международные договоры России экономического содержания должны рассматриваться через призму их пользы обществу, населению, государству, конечная цель которого также благо общества. Если этого нет в содержании договора, то незачем и торопиться с его подписанием. Конечно, только время подтвердит правоту принятого решения, но слышать и взвешивать доводы специалистов власть была обязана.

Литература

1. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Ленинград: Наука, 1987.
2. Зайков К. С. Пространственные границы Российской Империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. URL: <http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html>; Кристоман Б. Б. История научно-промыслового освоения европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX – начале XX вв. Архангельск, 2003, дис. ... канд. ист. наук; Peresadilo R. V. The “Norwegian” Policy of the Russian State in the Russian North in the Nineteenth Century – according to documents in the State Archive of Archangelsk province (GAAO) // Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005; В. В. Рогинский. Конвенция 1826 года «О разграничении между Норвегией и Россией» как дипломатическая проблема // Вестник Баренц-Центра МПГУ. Мурманск, 2008. № 7.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956.
4. Григорьев Б. Н.: «Скандинавия с черного хода. Записки разведчика: от серьезного до курьезного» // Библиотека Альдебаран: URL: <http://lib.aldebaran.ru>.
5. Деканозов Р. В. Соглашение 1872 года о Шпицбергене // Вопросы теории советского права. Новосибирск, 1968.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1276. Оп.
7. Орешников А. М. История установления государственной принадлежности сухопутных и морских пространств на Крайнем Севере Европы. URL: <http://www.b-report.com/news/archive/2009-10-13-1/>.
8. Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. Т. 1, полутом 1.
9. Договор о Шпицбергене (подписан 9 февраля 1920 г.) // Действующее международное право. Сборник документов в 3-х томах. Т.1. М., 1996.
10. Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М.: Международные отношения, 1974.
11. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России) от 4 апреля 2011 г. № 142, г. Москва «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета федеральному государственному унитарному предприятию „Государственный трест «Арктикуголь“» // Российская Газета № 5477 13 мая 2011 г.